

Н.Г. Гальковский

**Борьба христианства с остатками язычества
в Древней Руси. Том 2**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
Н11

Н11 **Н.Г. Гальковский**
Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Том 2 / Н.Г. Гальковский – М.: Книга по Требованию, 2023. – 316 с.

ISBN 978-5-518-06327-3

Древне-русские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе. Издание: Москва, Отдельный оттиск из Записок Императорского Московского Археологического Института. Том XVIII-й, 1913 г.

ISBN 978-5-518-06327-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригиналe, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловіе.

Въ концѣ X вѣка языческая Русь стала христіанской; христіанство было признано государственной религіей. Конечно, сознательно христіанизировалась небольшая, лучшая часть русского общества. Народная масса долгое время оставалась при своемъ прежнемъ языческомъ міросозерцаніи, которое постепенно забывалось и видоизмѣнялось подъ вліяніемъ новаго христіанскаго вѣроученія. Часто христіанскія и древнія языческія вѣрованія спокойно уживались въ сознаніи русского человѣка,—это и есть то самое двоевѣріе, которое приводило въ негодованіе нашихъ ревнителей благочестія. „Не могу терпѣть христіанъ, двоевѣрно живущихъ и вѣрующихъ въ Перуна, въ Хорса и другихъ боговъ“, писалъ христолюбецъ, ревнитель по правой вѣрѣ. Вѣроятно, христолюбцы были главнымъ образомъ изъ среды чернаго и бѣлаго духовенства. Какъ только Русь стала христіанской, русская іерархія естественно должна была выступить противъ язычества, примѣняя различные способы: то назидая въ духѣ христіанства, то искореняя старыя вѣрованія и связанныя съ ними нравственные недостатки. Гражданская власть, признавъ христіанство государственной религіей, также боролась противъ остатковъ язычества; особенно сильно въ этомъ дѣлѣ сказалось вліяніе государства, начиная съ XIV вѣка, когда Русь освободилась отъ татарщины. Такъ боролись противъ остатковъ языче-

ства въ народѣ церковь и государство. Государство, конечно, прибѣгало къ прещеніямъ, угрозамъ и наказаніямъ, вообще репрессивнымъ мѣрамъ. Церковь же вліяла на свою паству словомъ убѣженія. Конечно, прежде всего должна была выступить противъ язычества высшая іерархія и вообще духовенство, на обязанности которого лежала забота о религіозно-нравственномъ преуспѣяніи пасомыхъ. Полагаемъ, что бывали случаи, когда отдельные лица, не въ силу только своего офиціального положенія, а по собственному убѣженію и почину выступали противъ остатковъ язычества. Возможно, что находились ревнители не только изъ духовенства, но и изъ мірянъ, приходившие въ негодованіе при видѣ зазорныхъ, явно-языческихъ явлений. Въ словѣ нѣкоего христолюбца есть такое выражение: „то се вамъ попомъ молвить Павель“. Можно думать, что эти слова принадлежать лицу свѣтскому.

До насъ сохранился цѣлый рядъ древне-русскихъ словъ и поученій, направленныхъ противъ остатковъ язычества. Эти памятники обличительной литературы для насъ драгоценны: они даютъ материалъ для сужденія о нашемъ русскомъ язычествѣ и связанныхъ съ нимъ суевѣріяхъ. Правда, мы не очень много можемъ почерпнуть изъ нихъ на этотъ счетъ, но необходимо принимать во вниманіе, что направленные противъ остатковъ язычества слова и поученія—это не ученый трактатъ о язычествѣ, а сочиненія, имѣвшія цѣлью уничтожить память о язычествѣ. Главною задачею древней Руси было стремленіе стать истинно христианской и преуспѣть въ благочестіи, какъ его понимали древне-руssкіе люди. Въ сочиненіяхъ противъ язычества противъ воли и желанія авторовъ отразились древнія языческія вѣрованія. Мы сожалѣемъ, что въ этихъ произведеніяхъ немного свѣдѣній о нашемъ язычествѣ; но не будь указанныхъ произведеній, мы имѣли бы еще меньше данныхъ для сужденія о прошломъ нашей родины.

Помѣщенные ниже памятники касаются разныхъ сторонъ русской жизни и относятся къ разнымъ вѣкамъ. Въ

общемъ они даютъ довольно полную картину міросозерцанія древне-русскихъ людей и довольно рельефно отражаютъ на себѣ постепенную смѣну вѣрованій. Древнѣйшіе памятники изъ приводимыхъ нами свидѣтельствуютъ, что въ XII—XIV вѣкахъ языческія вѣрованія были довольно живы: имена древнихъ боговъ живо сохранились въ памяти народной, богамъ приносились жертвы. Но древнее язычество уже потускнѣло, память о немъ утрачена настолько, что языческія божества смѣшиваются съ христіанскими, напр. Богородицу смѣшиваютъ съ рожаницами.

Время шло, и древнее язычество тускнѣло все болѣе и болѣе. Въ памятникахъ XVI—XVII встрѣчаются имена боговъ, но писатели употребляютъ ихъ по старой памяти,искажаютъ, прибавляютъ не существовавшихъ боговъ, каковы Лада, Нолель и проч. Мимоходомъ, какъ бы нехотя, упоминается бѣсть хороможитель, т. е. домовой, о которомъ, очевидно, писатель не считаетъ удобнымъ говорить въ сочиненіи, посвященномъ такому важному предмету, какъ постъ.—На почвѣ древняго идолопоклонства унасъ были какія-то недоразумѣнія въ отношеніи иконопочитанія: какъ-то „написавше свѣтъ болваномъ“, кланялись этому изображенію, а также кланялись недѣлѣ болвану. Народъ съ трудомъ разставался съ древними привычками и традиціями: долгое время продолжались моленія кладезные и рѣчныя. Праздники справлялись по-язычески: вмѣсто того, чтобы итти въ церковь, народъ предавался играмъ и пляскамъ. И вообще въ народѣ замѣчалась сильная склонность къ развлеченіямъ въ духѣ древняго язычества. Русскіе люди плохо соблюдали постъ. При потерѣ близкихъ людей, скорбь о умершихъ выражалась чисто языческимъ способомъ. Немало труда и заботъ было употреблено ревнителями благочестія для искорененія разнаго рода суевѣрій, примѣтъ, гаданій, вѣры въ колдовство и проч. Все это нашло отраженіе въ нашихъ памятникахъ.

Помѣщаемыя въ настоящемъ изданіи древне-русскія слова и поученія служатъ приложеніемъ къ первому тому нашего труда „Борьба христіанства съ остатками язычества въ древней Руси“, гдѣ эти памятники разбираются въ систематическомъ порядкѣ. Здѣсь, во второмъ томѣ, мы помѣщаемъ тексты словъ и поученій съ критическими замѣчаніями къ нимъ.

I.

О постѣ к невѣжамъ в понедѣлокъ 2 недѣли.

Рук. С.-Петрб. Публичн. Б—ки. Собраніе Богданова, по описанию Бычкова (вып. первый, 1891 г.) № 78, л. 6—7.

Слово „о постѣ къ невѣжамъ“ имѣть важное значеніе для выясненія древне-русскихъ вѣрованій. По содержанію своему— это обличительное слово, написанное просто и сильно. Складъ слова— чисто русскій. Рукопись, содержащая слово „къ невѣжамъ“, писана полууставомъ XVI вѣка, на 97 листахъ. Рукопись сохранилась плохо: не достасть начала, конца и многихъ листовъ въ срединѣ. Правописаніе не отличается единообразіемъ: иногда юсы ставятся, иногда нѣть (сѣть, кѣпи, время, воздухъ), и употребленіе ихъ не всегда правильное. Въ правописаніи слова „къ невѣжамъ“ по мѣстамъ сказывается вліяніе устной рѣчи: любовъ (вм. любовь), смиются (вм. смыются). Слово печаль пишется двоякимъ способомъ: печаль и печалъ. Вообще, правописаніе слова „къ невѣжамъ“ позднее и певыдержанное. Но по своему содержанію слово должно быть отнесено къ очень древнимъ. Въ словѣ говорится слѣдующее: „егда бо ся нарече великая сѣбота въ постѣ, въ нюже было праводіти весь постъ, въ тоу же сѣботу невѣглasi поповелать взимати молоко и масло“.

„Поповелать“—испорченное мѣсто, вѣроятно, описка переписчика; слѣдуетъ читать: „невѣглasi повелать“ (слогъ по

вторенъ дважды ошибочно); или же должно быть такое членіе— „исвегласи попове велѣть“, т. е. слогъ *ve* пропущенъ. И то и другое членіе имѣеть смыслъ. О Чистомъ четвергѣ говорится слѣдующее: „въ стѣй великии четвертокъ повѣдають мрѣтвымъ мяса и млеко и яица и мылница топл. — та мяса приповѣдають мрѣты“. въ четвертокъ. и паки скверное то приповѣданіе, въ воскресеніе гнѣ ъдѣять сами“. — Кажется, къ четверговой же трапезѣ относится слѣдующая рѣчь бѣсовъ: „оў сї бо ны є́ всего досыти. и пити и асти. И здѣ же и мяса приповѣдають намъ. здѣ же сыри. здѣ же масло и лица. и добрая плоутки и корован“ и проч. Изъ сопоставленія этихъ мѣсть получается слѣдующее: въ Великий четвергъ приготавливали для мертвыхъ мясо, молоко и яица, тоили бани и т. п. Въ Великую субботу вкушали молоко и масло; четверговое же мясо ъли въ Свѣтлое Воскресеніе. Всѣ эти нечестивые обычай составитель слова строго осуждаетъ. — Указанное обстоятельство имѣеть важное значеніе для опредѣленія времени составленія слова. Извѣстно, что у насъ церковная жизнь общества первоначально опредѣлялась студійскимъ уставомъ

Студійскій уставъ былъ принятъ на Аeonѣ, по съ измѣненіями и дополненіями,клонившимися въ общемъ къ большей строгости постовъ. Аeonскій уставъ занимаетъ среднее мѣсто между постановленіями студійскаго и іерусалимскаго устава; послѣдній уставъ отличается еще большей требовательностью въ отношении исполненія постовъ и разныхъ дисциплинарныхъ правилъ. (Мансветовъ. О постахъ православной восточной церкви. Прибавл къ Твор. св. отцовъ. 1886 г. Томъ 37, стр. 661, 667—668 и слѣд.).

По уставу Феодора Студита, постъ состоялъ главнымъ образомъ во времени принятія пищи, а не въ количествѣ и качествѣ я, такъ что съ наступленіемъ вечера можно было употреблять въ пищу, кроме овоцей—еще рыбу и яица. Особенной снисходительностью отличаются постановленія относительно постовъ въ страшную седьмицу (*ibid.*, стр. 665).

Говоря о студійскомъ уставѣ, имѣютъ въ виду не подлинные произведения Феодора Студита (ум. 826 г.), а известные съ

его именемъ уставы¹⁾, въ основѣ которыхъ лежитъ практика Студійского монастыря. Въ краткой записи богослужебныхъ порядковъ и правилъ Студійского монастыря, известной подъ именемъ *Улоту́посиς*, говорится слѣдующимъ образомъ относительно пищи и питія въ Великую субботу: *τῷ δὲ ἀγίῳ Σαββάτῳ ὥρᾳ ἐκδεκάτῃ ἀρχεται τὸ λυχνικόν. καὶ ὅπου σώσοι ἡ ἀπόλυτις, εσθίουμεν δὲ τυρὸν καὶ ἵχθυς καὶ ωδά τὰς πέντεν ἀτὰ γ'*. Въ Святую субботу въ одиннадцатомъ часу начинается вечерня, и когда совершился отпуть, ъдимъ сыръ, рыбу и яйца и пьемъ по три (красовули вина). Migne. Patrol. ser. gvaec; t. XCIX. 1716, § 30. А. Дмитріевскій Описаніе литург. рукоп., хранящихся въ библіот. правосл. востока. Т. I. Типикъ. Кіевъ. 1895 г., стр. XV—XVI.

Это мѣсто значится не во всѣхъ спискахъ *Улоту́посиς*а. Такъ, въ спискѣ 1086 г этого мѣста нѣть. (Димитревскій, ibid. XVII стр.).

Διατύπωσις преп. Аѳанасія Аѳонскаго представляетъ изъ себя дальнѣйшее развитіе студійскаго устава. Въ твореніи преп. Аѳанасія заключается постановленіе относительно поста въ Великую субботу діаметрально противоположное практикѣ и постановленію студійскаго монастыря.

Τῷ δὲ ἀγίῳ σαββάτῳ μεσαζούσῃς τῆς ιβ'. ἀρχόμεθα τοῦ ἑσπεριοῦ, καὶ ὅπου σώσοι ἡ ἀπόλυτις, ἡ δὲ τράπεζα οὐκ ἀρούγει, διὰ γὰρ τοῦ βραδέως τὴν λειτουργίαν συμφάξειν, καὶ τὸ μὴ κόρω τὴν γαστέρα καταβρῶνται καὶ τὴν διάροιχη, τῇ εὐλογίᾳ μόνῃ ἀνκούμεθα, ἀνὰ δύο κράβεων μεταλαμβάνοντες ἐν τῷ νάρθηκι.

Во Святую субботу въ половинѣ двѣнадцатаго часа начинаемъ вечерню. По отпуску трапеза не отворяется, потому что литургія оканчивается поздно, и чтобы сытостію не обременить желудка и мысли. Мы довольствуемся однимъ благословеннымъ хлѣбомъ, выпивая по двѣ красовули вина въ нарекѣ. (Димитревскій, ibid., стр. 253, XVII).

Изъ вышеприведенного явствуетъ, что практика и вмѣстѣ съ тѣмъ постановленія о постахъ долгое время въ греческой церкви не были приведены къ единообразію. Эти противорѣчивыя

1) Мансветовъ. О постахъ. Приб. къ твор. св. отцовъ 1885 г., часть 36, стр. 341.

постановлениј греческихъ уставовъ отразились и въ славянскихъ переводахъ уставовъ. Такъ, въ спискѣ студійского устава (*Улоту́льюс*) Моск. Синод. б. № 330—380, л. 211 значится слѣдующее: „въ велику же соуботоу да боудоутъ чисти хлѣби. сирѣчъ питье великыя. и да помазаны боудоутъ маслъмъ. и да възьметъ къждо отъ мнихъ по половинѣ. да єдять же. (вытерто слово, но можно разобрать, что стояло *рыбы*) и обой брашно. сочиво же и зелиѣ съ маслъмъ (далѣе вычищено, но можно разобрать, что было написано *сыръ ясе и тацъ*) отци оубо въ тъ дій не взбранили соуть“. — Отголоскомъ обычая въ Великую субботу употреблять скромное (кромѣ мяса) служитъ слѣдующее замѣчаніе, сдѣланное славянскимъ редакторомъ студійского устава. въ ркп. XV в. Синод. б. № 382—905, л. 315: „скрома же и рыбы нѣсми навыкли ясти въ тую субботу, словенскаго ради нашего новаго просвѣщенія“. Мансветовъ. Митр. Кипріанъ въ его літург. дѣят., 163—164; 178. Димитріевскій. *Тулка*. XVI—XVII стр. С. И. Смирновъ. Какъ говѣли въ древней Руси? стр. 28.

Такимъ образомъ обычай постить и не постить въ Великую субботу шелъ къ намъ изъ Греции. Полагаемъ, что кромѣ письменныхъ памятниковъ это разнообразіе поддерживалось и непосредственнымъ примѣромъ грековъ: бывавшіе въ Россіи греки неодинаково относились къ посту въ Великую субботу: русскіе, бывавшіе въ Византіи, наблюдали тоже самое. Вообще, въ Греціи относительно постовъ, какъ и перстосложенія для крестнаго знамени, долгое время практика была неодинаковая. На смѣну студійского устава, начиная съ XIII в.. у насъ сталъ входить въ употребленіе болѣе строгій іерусалимскій уставъ (Смирновъ, стр. 24; Мансветовъ, 176 стр.). Послѣдній уставъ предписывалъ въ Великую субботу строгій постъ.

Такимъ образомъ попове, разрѣшившіе єсть въ Великую субботу скромное, кромѣ мяса, дѣлали это на основаніи студійского устава, и составитель слова „о постѣ къ невѣжамъ“ напрасно называетъ ихъ невѣгласями. Ревнители же благочестія, исходя изъ предписаній іерусалимскаго устава, вооружались противъ старого порядка и требовали строгаго поста. Такимъ образомъ, слово „о постѣ къ невѣжамъ“ вѣрно опредѣляетъ извѣст-

ный моментъ нашей общественно-церковной жизни. Указанное запрещеніе есть въ Великую субботу яйца и молоко могло начаться не раньше XIII вѣка. Что касается Чистаго четверга, то въ этотъ день, какъ говорить „слово о постѣ“, только приготавляли скромныя кушанья, но не употребляли ихъ въ пищу. Студійскій уставъ въ этотъ день разрѣшалъ употреблять въ пищу вареніе (горячее) и обварено съ масломъ, а также вино. Никонъ Черногорецъ энергично возставалъ противъ такого послабленія. (Мансветовъ Митр. Кипріанъ, стр. 191. О постахъ. Приб. къ твор. св. отц. ч. 37. 677 стр.).—Какъ видно изъ слова, заготовленная въ Великій четвергъ скромная пища съѣдалась частію въ Великую субботу, а частію (мясо) па Пасху.—Постъ въ Великую субботу предписывался также составителемъ „слова о постѣ въ велицѣ“—ркп. Троицк. Серг. Лавр. № 11. л. 9.
См. № 26.

Кромѣ указаннаго нарушенія поста, по словамъ составителя слова „къ невѣжамъ“. нечестіе усугублялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Чистый четвергъ кушанья предлагались покойникамъ, готовились для навій. Тогда же, въ Великій четвергъ для покойниковъ топили бани, вѣшали въ баняхъ чехлы и полотенца для обтирания покойниковъ и поддавали пару (на печь ляютъ). На другой день на полу бани, посыпанномъ золой и пепломъ (пропѣ-зола), находили слѣды, похожіе на куриный слѣдъ, принимали это за несомнѣнное доказательство прихода покойниковъ и говорили: „приходили к намъ навѣмъ мытсѧ“.

Составитель слова убѣждень, что въ банию дѣйствительно приходили, мылись, утирались полотенцами и оставляли птицій слѣдъ на пеплѣ—только не навѣя, а бѣсы, дѣлая это на прельщеніе неразумныхъ. — Само по себѣ это вѣрованіе общеизвѣстно: о немъ упоминается въ „словѣ св. отца нашего Иоанна Златоустаго—о томъ, како первое погани вѣровали въ идолы“ (Рук. Новгор. Софійск. Соб. № 1262. См. статья № 5). Отмѣченный обычай уцѣлѣлъ даже до нашихъ дней. Мы лично наблюдали слѣдующее: когда всѣ окончатъ мыться въ бани (а это обычно бываетъ поздно вечеромъ), послѣдній выходящій, оставивъ сколько-нибудь горячей воды въ котлѣ, приносить ведро холодной воды,

подаетъ пару, т. е. льеть ковшъ воды на горячую каменку и, сказавъ: „мойтесь“, поспѣшно уходить изъ бани; послѣ этого ходить въ баню „не годится“. Такъ дѣлаютъ въ селѣ Лучесахъ Смоленской губ. каждый разъ, какъ топятъ баню. Въ Чистый четвергъ обязательно бываетъ баня: въ этотъ день все и все должно быть чисто, даже кочерги, лопаты и ухваты моютъ, для чего ихъ носятъ на рѣку. Изъ слова „къ невѣжамъ“ не видно, топили ли въ Чистый четвергъ бани специально для мертвыхъ или для пользованія мертвымъ предлагалась баня, въ которой предварительно мылись живые. „Въ стынѣ великии четвертоокъ повѣдали мрѣтвымъ мяса и млеко и яица и мылница топѣ“, — выходитъ, будто бы бани топились специально для мертвыхъ. Но въ такомъ случаѣ гдѣ-же мыться живымъ въ Чистый четвергъ, если бани предоставлялись исключительно навъямъ? А потому мы полагаемъ, что и въ древности дѣло обстояло такъ, какъ и теперь обстоитъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, т. е. сперва моются живые. Повѣданіе, т. е. поставленіе для мертвыхъ мяса, молока и яицъ — безъ сомнѣнія весьма древній обычай: это какъ и бани для навій, остатокъ доисторического культа предковъ — покойниковъ, о чёмъ мы говоримъ въ нашемъ изслѣдованіи, въ главѣ Родъ и рожаницы. Но и послѣдній обычай уцѣлѣлъ до нашихъ дней: въ Чистый четвергъ, когда уже смеркнется, благочестивая хозяйка беретъ кувшинчикъ молока, тарелку съ мясомъ и молокомъ, хлѣбецъ, соль и все это ставить въ укромномъ мѣстѣ двора подъ повѣстью, подъ самой крышей, а еще лучше на самую крышу. Пишущему эти строки, когда онъ былъ ребенкомъ, неоднократно вечеромъ въ Чистый четвергъ поручалось одной благочестивѣйшей и добрѣйшей старушкой поставить молоко и прочее съѣстное на крышу сарая. Дѣжалось это подъ строжайшимъ секретомъ. Не сомнѣваемся, что это была трапеза для навій, обличаемая словомъ „къ невѣжамъ.“ Мы не знаемъ, что дѣлали потомъ съ этимъ молокомъ, мясомъ и вообще съѣстнымъ. Вероятно, это съѣдалось на первый день Пасхи. Что касается „четверговой соли“, то елъ „чудодѣйственная“ сила отъ болѣзней общеизвѣстна и въ наши дни. — Такимъ образомъ, всѣ указанныя въ словѣ суетрія, будучи сами по себѣ весьма древняго происхожденія, въ